

ПОСКОЛЬКУ сегодня так много говорят и спорят о зрителе, о кинозритеle в частности, захотелось и мне призадуматься немного над тем, чем он, зритель сегодняшний, отличается от вчерашнего или, скажем, от читателя, слушателя.

Образ читателя мне лично рисуется так. Он большой, толстый, ввязаном жилете. После работы с книжкой и с бутербродом. Лежит себе на боку, полеживает, почитывает и жмуриется от удовольствия.

Слушатель — он в бабочке, с зонтиком, гравсирует, слышит что-то внутри себя, о чем другие и не подозревают... Слушатель эстрадных дисков в наушниках, раскачивается: «Я так хочу, чтоб лето не кончалось...».

А вот в зрителе нет особой тайны, он, зритель, проще читателя и уж, конечно, слушателя, о нем все знают и даже расписывают за него, как будто он неграмотный. Так и пишут наши дорогие критики и прочие знатоки: зрителю нравится то, зрителю не нравится это. Он на это пойдет, а с того уйдет, это он примет, а то — нет.

Все про него известно: осенний возраст, говорят, от 11 до 22, женский пол доминирует, за последние годы помолодел, раньше был старше, мужественнее.

Перед читателем, слушателем зрителя пока в одном выигрывает: фильмы нельзя еще коллекционировать для престижа, для дизайна, украшать ими родной интерьер. Правда, не за горами время, когда мы услышим знакомое — «Меняю две «Тайны Бургундского двора» на «Летят журавли», когда кинотеки войдут в каждый дом и маленький житель планеты будет возмущаться, что его отправили спать, а сами с гостями смотрят Чаплина и Винни-Пуха. Вот какие дела ждут нас в недалеком будущем.

Толпы осаждали малочисленные кинотеатры, чтобы увидеть, как побеждает «Парень из нашего города», как «Антон Иванович сердится», «уходит от берега «Ластreb Морской» и девушка машет рукой». Хроника, боевые киносборники, «Человек № 217», «Радуга», «Секретарь райкома». Мы играли в эти кар-

тины, мы бесконечно играли в войну. Боролись со служителями «Кашея Бессмертного», улетали от немцев на коверсамолете «Небесном тихоходе» и побеждали, побеждали, мы так хотели этого...

Когда-то Ильф и Петров написали о странном, но вынужденном соседстве большого и малого миров — в большом мире летчик Севрюков летел к полюсу, а в малом мире у него соседи по коммуналке отбирали комнату. Нат Пинкerton прекрасно соседствует с Толстым и Чеховым, ибо человек многообразен и требует разного в разное время, при разных обстоятельствах, тем более, как говорится, о вкусах не спорят. И не случайно трогательные фильмы с Сарой Ляндер и Марикой Рокк взрывали почву, заполнили пустующие ячейки сентimentальной мелодрамы, жгучего детектива, условной комедии масок, где не было знакомых персонажей и знакомых обстоятельств. Мы все равно любили фильм «Близнецы», но почти все мальчишки нашего города кричали криком Тарзана, качались на ветках деревьев и прыгали с водосточных труб.

Как воспитать в молодом человеке восторг перед гением Толстого, Достоевского, Чехова? Научить слушать классическую музыку? Преклоняться перед Шекспиром?

Деление на высокие и низкие жанры наивно — трагедия может быть пошлой, мелодрама великой... Высокий стиль может быть чудовищно скучным и мертвым, а лубок прелестно наивным и живым.

Искусство существует для того, чтобы вести за собой и поднимать до себя — иначе регресс, в лучшем случае, топтанье на месте.

«Чайка» провалилась в Александринке, потому что публика была воспитана не только другой драматургией, но и другими эстетическими принципами. Только МХАТ мог тогда поставить «Чайку» с успехом, ибо имел уже другую публику.

Надо учиться понимать кино как искусство, воспринимать новое и получать от этого удовольствие. Совпадение восприятия творца и зрителя — счастье, но нельзя ради этого идти на поводу, льстить, подлаживаться, приспособливаться.

Совсем недавно один работник культуры с пристрастием допрашивал меня: «Неужели тебе нравится Довженко? Или врешь, или прикидываешься... Просто приятно хвалить, и ты хвалишь...».

Доказывать ему что-либо бессмысленно, он не видит поэзии Довженко, как люди не слышат Моцарта, он естественно и эстетически не развит. Хуже он от этого? Не знаю, но беднее — точно.

Мгновенное приятие великого произведения — редкость. Сила привычки, неразвитость вкуса, другие нравственные критерии, как правило, мешают. И все же «Чапаев» был принят и понят, другая судьба у «Земли» Довженко. И с «Броненосцем» поначалу не все было просто. Бывает так, но редко. Кроме того, иногда время воспитывает, учит восприятию сложных явлений искусства — само время.

Вот, кстати, мне недавно пришлоось увидеть снова фильм «Неотправленное письмо» Калатозова и Урусевского. В свое время картина с Самойловой, Урбанским, Смоктуновским, молодым Ливановым абсолютно прошла мимо зрителя. Сегодня, я

убежден, ее ждет новая прокатная судьба, зритель стал другой.

Какой он, сегодняшний зритель, не знаю, но он иной, чем вчера. Был зритель дотелевизионной эпохи, отсутствия отдельных квартир, личных машин, зрителя эпохи малокартинья, беззаботно преданный кино.

Вместе с обилием фильмов, появлением отдельных квартир, с ростом благосостояния появился маленький зрителя, похожий на радиоприемник, и тоже стал показывать на маленьком экране фильмы, новости передавать — и понеслось! Вы помните, линза увеличительная перед крошечным экраном и пленящая всех «Свадьба с приданым» с молодым Дорониным: «Из-за вас, моя чешня, скорюсь я с приятелем», потому что климат здешний на любовь влился... Все словно с ума посходили, подавай им телевизор — и все тут.

Засел народ перед телевизором с комфортом, вставать не хочет. А чего ему не посидеть в отдельной квартире — тепло, светло, практически бесплатно, ехать никуда не надо опять же.

Прошел, однако, пик телевизионного бума, острота нового ощущения притупилась: это сегодня обязательно становится стандарт жизни, но есть книга, театр, кино. Кино выдержало мощный натиск, отбило его и вновь набирает силы. Так же, как кино, не убило театр, телевизор не может убить кино. Люди хотят собираться вместе. Вместе смеяться, вместе плакать, вместе сострадать. Кроме того, кино, освободившись от информативной сиюминутности, стало более глубоким.

Вчерашний зритель более или менее понятен, сегодняшний,

несмотря на все анкеты, по-моему, неясен. Он слишком разный.

А вот о зрителе будущего можно, по-моему, поразмыслить, попытаться его представить.

Но на новом этапе, я думаю, само кинозрелище должно быть несколько иным, чем в дотелевизионную эпоху.

Сначала несколько слов об условиях кинозрелища. Пора переходить от кинотеатров к театрам кино.

Зритель должен идти в кино так, как люди сегодня ходят в театры, в концерты. Поход в кино должен быть праздничным. Люди должны надеть лучшее платье, снять пальто, обязательно должны попасть в красивый интерьер.

Театр кино должен стать клубом (я знаю, такие опыты есть), но не только киноклубом, особенно в небольшом городе или селе, а местом, где соединяются разнообразные виды искусства.

Надо учить детей понимать кино как литературу, как музыку. Язык кино усложняется, становится другим. Сегодня существуют школы, где преподается кино — факультативно, пора ввести — возьму на себя смелость предложить это — и обязательное обучение искусству кино. Иначе можно потерять завоевания кинематографа. Дело это неотложное, дальше может быть поздно. Эйзенштейна, Довженко, Гриффита, Чаплина, Рене Клеря, М. Ромма надо преподавать так же, как преподают Маяковского. Тогда проще договориться со зрителем, тогда на постижение нового не понадобятся десяти лет.

Кино — составная часть общей культуры и требует затрат на воспитание людей, воспринимающих его. Надо готовить зрителя будущего, надо формировать его сознание.

Сегодня зритель вновь вернулся к нам, но как он вернулся и что он хочет смотреть? Ответ на это дадут время и будущие полные или пустые залы на подлинных произведениях искусства.

...Говорим мы, кино снимаем, статьями обмениваемся, а скромный директор кинотеатра создает в маленьком поселке репертуар по своему желанию. У него не щли «Восхождение», «Подранки», «Стель...». У него план и, может, вообще другое отношение к миру, к искусству. И не исключено, что он не уважает Довженко. А раз так, то дети в этом поселке могут не узнать имени великого режиссера, разве что на титрах очередного детектива студии его имени.

Он для галочки на одном сеансе покажет новое, но не угодное ему лично кино, а потом закрутит на неделю что-нибудь стреляющее, сентиментальное или из западной жизни, и пошла писать губерния...

А на другом конце нашей страны в поселке Палатка Магаданской области с благословения директора и по просьбе общественных организаций один бывший киномеханик, человек, беззаботно преданный кино — я познакомился с ним тогда в поездке — читает детям лекции, которым могут позавидовать студенты филфаков, о кино читает, и фильмы они смотрят стоящие, и вкус в них имеют, и говорят десятиклассники о них с неменьшим пониманием и изяществом, чем столичные киноведы.

Савва КУЛИШ,
кинорежиссер.